

для широкой человеческой мысли. Вначале эта цивилизация порождает и римское папство. В Ренессансе, в начале Нового времени и Фауст, и Мефистофель были виднее и сильнее. Фауст – родня возрожденцев, людей необъятной индивидуальности – встречался тогда чаще. В Ренессансе главной силой оказался Фауст, в Новом времени – это Вагнер, узкий собственник. Главной тенденцией современности стало производство материальных благ. Фауст в этой новой цивилизации был и остается нереализованной возможностью. В нем залог другой культуры. Места ему в современной цивилизации нет. Фауста оправдывает земная история, Гете принимает буржуазную цивилизацию, как она есть, с ее прогрессом. Цивилизация губит Фауста. Человек способен желать большего, чем ему дано. Нужен переизбыток целей. Желай быть Богом, тогда ты будешь человеком. Фауст чего-то достигает, так как он желал большего. Гете хочет найти компромисс. Развязка, которой кончается «Фауст», условна. Последующие поколения могут достичь большей полноты свершений, чем те, которых достиг Фауст.

В.Э. ВАЦУРО

Цитата из Вейсса у Пушкина

ПУБЛИКАЦИЯ И ЗАМЕТКА Т. Ф. СЕЛЕЗНЕВОЙ

Предоставляя для сборника в честь 95-летия А. А. Гозенпуда статью В. Э. Вацуро, вспоминаю вечер на Мойке, 12, посвященный 90-летию Абрама Акимовича. Сохранилась запись тогдашнего выступления Вадима Эразмовича, выступления, сделанного экспромтом, но в полной мере отражающего его отношение к юбилею. Пусть эта запись из прошлого, с мастерским применением цитаты из Пушкина к А. А. Гозенпуду, предварит эту статью.

Обращаясь к собравшимся, Вадим Эразмович сказал:

Ваше приглашение застало меня врасплох. Я не предполагал представлять Абрама Акимовича. В этой связи мне всегда вспоминается анекдот о Вольтере, которому какой-то поэт принес стихи на смерть Расина. Очень хорошо, – сказал Вольтер, – но я бы предпочел, чтобы Расин написал стихи на вашу смерть» (*Смех в зале*).

Я предпочел, чтобы Абрам Акимович представлял бы меня, а не я Абрама Акимовича, особенно в этой аудитории.

Об Абраме Акимовиче нужно говорить или очень долго, или очень кратко. Здесь не нужно говорить долго. Поэтому я позволю себе одно чисто личное воспоминание ассоциативного свойства.

23-го числа у Абрама Акимовича день рождения. Я знал, что мне нужно ему позвонить, необходимо, но я не мог выбрать время в течение дня, я боялся побеспокоить Абрама Акимовича после операции. Может быть, он прилегал отдохнуть. В какое время было бы удобнее это сделать? Я сел за машинку и стал заканчивать статью для пушкинской энциклопедии о послании «К вельможе». И вот тогда передо мной возникли контуры человека, который был свидетелем исторических катаклизмов, который пережил многое и многих и сохранил непосредственную любовь к культуре, самостоятельность мышления, независимость.

Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой...

Я не успел дочитать эти строчки, я не понял, каким образом я оказался у телефона, для того чтобы услышать голос человека, единственного, который соответствует этой пушкинской характеристике. И я услышал этот свободный разговор. И когда опустил трубку, я понял, в чем разница между Абрамом Акимовичем и Николаем Борисовичем Юсуповым.

Во-первых, Абраму Акимовичу никогда не была свойственна праздность, и, во-вторых, у него никогда не было денег (*смех в зале*), чтобы, «Беспечно окружась Корреджием, Кановой», наслаждаться великими шедеврами культуры. И поскольку у него не было денег на то, чтобы купить шедевры культуры, он вынужден был делать их сам.

В известной статье «Пушкин и Кюхельбекер» (1934) Ю. Н. Тынянов впервые поставил вопрос о возможном знакомстве Пушкина с сочинениями Франсуа-Родольфа Вейсса.¹

Швейцарский писатель и политик, последователь Руссо, Вейсс пользовался в России довольно широкой популярностью в 1810-е гг. Его «Философические, политические и моральные принципы» («Principes philosophiques, politiques et moraux», 1785) хорошо знали участники будущих тайных обществ; первая часть этого труда была в 1807 г. издана отдельно в русском переводе; отдельные главы и фрагменты книги постоянно встречаются в русских журналах 1810 – 1820-х гг.² Интерес к Вейссу в русском обществе прослеживается и позднее, рационалистический сенсуализм его «философии усовершенствования» оказался близок раннему Толстому. Наряду с Руссо Вейсс был первым философом, попавшим в поле зрения писателя; ранние опыты Тол-

¹ Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С.247 и след.

² См.: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. С.233–234.

стого в области философии отмечены прямым влиянием швейцарского моралиста.¹

Тынянов обратился к имени Вейсса в связи с открытым им лицейским «Словарем» В. К. Кюхельбекера. Здесь выписки из «Философических, политических и моральных принципов» безусловно преобладают над цитатами из других авторов: их сто пятнадцать, в то время как следующий за ним Руссо представлен всего сорока шестью, а Шиллер — один из любимцев Кюхельбекера в лицейские годы — двадцатью шестью выписками. Диапазон их довольно широк: это и сентенции характерологического свойства, отражающие идеи моральной философии, и замечания исторического, социального и политического характера. Анализируя их в связи с пушкинскими текстами, которые в иных случаях подходят к ним довольно близко, Тынянов замечал с полным основанием, что они дают существенный материал для изучения связей Пушкина с французской философией XVIII в. и что вопрос этот практически не разработан, хотя важность его вне сомнений. Задача эта не потеряла своей актуальности и сейчас, спустя пятьдесят лет после выхода статьи Тынянова, несмотря на появление обширной пушкинианы. Следует заметить, впрочем, что после смерти исследователя разысканный им «Словарь» надолго ушел из поля зрения пушкинистов, — и лишь в недавнее время, попав в рукописные фонды Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ныне ГБР), привлек к себе внимание Б. С. Мейлаха, опубликовавшего более пятидесяти неизданных записей, в том числе из Вейсса.²

Опираясь на «Словарь» Кюхельбекера, исследователи установили целый ряд точек соприкосновения Пушкина с сочинениями Вейсса. При этом аналоги обнаруживаются за пределами лицейского творчества: в политических афоризмах 1830-х гг., возможно, в психологическом анализе «скупости», легшем затем в основу концепции «Скупого рыцаря»,³ в размышлениях о «вечном мире»⁴ и т. д. Однако ни в одном из отмеченных случаев мы не имеем дела с прямым источником. Между тем мы можем указать на пушкинский текст, непосредственно восходящий к Вейссу.

В «Материалах к отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» (1827), не введенных Пушкиным в основной текст, есть заметка о

¹ *Куприянова Е. Н.* Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л., 1966. С.46–63; Ср.: *Данилевский Р.Ю.* Россия и Швейцария // Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984. С.116.

² *Мейлах Б. С.* Из неизданного литературного наследия декабристов. Т. 1. «Словарь» В. К. Кюхельбекера: (История замысла, идеи, структура) // *Декабристы и русская культура.* Л., 1975. С.185–204.

³ *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. С. 251–253.

⁴ *Алексеев М. П.* Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С.191–192.

женщинах: «Браните мужчин вообще, разбирайте все их пороки, ни один не подумает заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекрасного пола – все женщины восстанут на вас единодушно – они составляют *один* народ, одну секту» (XI, 60).

Пушкинская сентенция представляет собою извлечение из главы «О женщинах», из первого тома сочинения Вейсса.

Фрагмент этот существовал и в русском переводе, появившемся в «Благонамеренном» в 1823 г. Цитируемое место в нем звучит так: «Скажите что-нибудь дурное об их поле – и они все против вас вооружатся; поносите наш пол – и не многие из мужчин этим обидятся. Может быть, есть на то причины: львы живут порознь, а овцы стадами».¹ Перевод точно воспроизводит подлинник.² Легко заметить, что Пушкин воспользовался источником довольно свободно; удержав самый пример, он радикально и в прямом противоречии с мыслью Вейсса изменил объяснение, которое в его глазах должно было звучать как один из «примеров невежливости», собранных в «Отрывках из писем...». Любопытно, что опущенным Пушкиным афоризмом в свое время воспользовался Ф. Глинка в применении к самому Пушкину. Я. К. Грот передавал со слов П. А. Плетнева, что Глинка отказался ввести Пушкина в члены Вольного общества любителей российской словесности, сказав: «Овцы стадаются, а лев ходит один».³ Трудно сказать, впрочем, восходило ли это речение непосредственно к Вейссу или было почерпнуто из других источников.

Тот факт, что Пушкин заимствовал у Вейсса один фрагмент о женщинах, позволяет нам соотнести с главой «О женщинах» и другие «мысли и замечания» Пушкина на ту же тему. И здесь обнаруживается весьма интересный феномен. Рассуждение швейцарского философа в ряде случаев оказывается для Пушкина отправной точкой для развития собственной мысли, вторгающейся в глубинные области философии морали, эстетики и социологии и иной раз открыто полемичной по отношению к исходному материалу.

Дело в том, что проблема психологии женщины для русской литературы 1810–1820-х гг. перестала быть исключительно областью компетенции моральной философии. Мы не затрагиваем сейчас проблему общественной эмансипации женщины, существовавшую реально уже в 1820-е гг., а в следующее десятилетие получившую в

¹ О женщинах: (Из *Principes philosophiques de Weiss* / Пер. А.-В.-ч. // Благонамеренный. 1823. № 2. С. 83–84.

² *Principes philosophiques, politiques et moraux* / Par le Major Weiss... 3-me ed. A. Geneva, 1789. Т. 1. Р. 234.

³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 483.

русской литературе уже и теоретическое обоснование. В «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» ощутимы предпосылки к ее постановке; общие контуры ее обозначатся в «Романе в письмах» и в «Рославлеве», где Пушкина будет занимать женский социальный характер. Но еще ранее предметом обсуждения становится культурная роль женского общества. Утверждение первенствующей роли светской женщины в выработке литературного этикета, ориентация на ее речь, свободную от «педантства» книжного языка, были программным эстетическим требованием сторонников карамзинской литературной реформы, и оно сохранялось в эстетическом сознании еще в начале 1820-х гг. Более того, в это время установка на «читательниц» получила и дополнительный смысл: от женщин, законодательниц общественного «вкуса» и моды, ожидали социально санкционированных произведений новой литературы. «Полярная звезда» адресуется «любительницам и любителям русской словесности»; от «любительниц» ждут ответного интереса к русской литературе, которая должна утвердить свой престиж в глазах тех, кто до сих пор читал почти исключительно по-французски. А. Бестужев в обзоре «Взгляд на старую и новую словесность в России» провозглашает «главнейшей причиной» бедности отечественной литературы «изгнание родного языка из общества и равнодушие прекрасного пола ко всему, на оном писанному». «Чего нельзя совершить, дабы заслужить благосклонный взор красавицы? В какое прозаическое сердце не вдохнет он поэзии? Одна улыбка женщины милой и просвещенной награждает все труды и жертвы! У нас почти не существует сего очарования, и вам, прелестные мои соотечественницы, жалуются музы на вас самих!».¹ По тем же причинам П. А. Плетнев адресует свое «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах», открывающее первую книжку «Северных цветов», женщине из светского общества (графине С. И. Соллогуб); его цель – отвлечь адресата от исключительной приверженности к поэзии Ламартина и «заставить прочитать что-нибудь по-русски» хотя бы «двух-трех» представительниц образованного общества (XIII, 140). В полном соответствии с этими общими установками А. О. Корнилович адресует женщинам свои «исторические очерки»: «О первых балах в России» в «Полярной звезде на 1823 год» и «Об увеселениях российского двора при Петре I» («Полярная звезда на 1824 год»); последнюю статью он оканчивает галантным уверением, что «снисходительный взор» адресата явится ему лучшей наградой, а «улыбка <...> одобрения»

¹ Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылесвым / Изд. подгот. В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л., 1960. С.29.

«заохотит к новым трудам», в числе которых будут очерки о свадебных обрядах при Петре I и др.¹

Все это уже в 1824–1825 г. решительно отвергается Пушкиным как пережиток архаического сентиментализма. В письме к Бестужеву от 8 февраля 1824 г. он упрекает Корниловича именно за то, что тот пишет «для снисходительного внимания мил.<остивой> госуд.<арыни> NNN. и ожидает ободрительной улыбки прекрасного пола для продолжения любопытных своих трудов... Все это старо, ненужно и слишком уже пахнет Шаликовскою невинностию» (XIII, 87). Упрек адресован, конечно, не только Корниловичу, но и самому Бестужеву как автору обзора в прошлой «Полярной Звезде». Этот иронический пассаж в разных модификациях проходит по нескольким письмам Пушкина и отражается в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825); в не дошедшем до нас письме к Плетневу от начала 1825 г., известном только по плетневскому ответу, он дает довольно суровый разбор «Письма к графине С. И. С.». Пушкин не приемлет самых эстетических оснований, от которых отпирывался Плетнев – и, в частности, адресации его статьи, которую он насмешливо определяет как «куростройство».²

Все эти справки, очерчивающие литературную ситуацию в самых общих чертах и по неизбежности неполно, позволяют, однако, наметить контекст, в котором появляется у Пушкина в 1827 г. цитата из Вейсса и, шире, – рассуждение о женщинах в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях». Когда он пишет: «Даже люди, выдающие себя за усерднейших почитателей прекрасного пола, не предполагают в женщинах ума равного нашему и, приравливаясь к слабости их понятия, издают ученые книжки для дам, как будто для детей» (XI, 53), он, конечно, имеет в виду не Вейсса. Адресат полемики здесь вряд ли поддается конкретизации, хотя, без сомнения, в число этих «людей» входит и Корнилович с его учеными разысканиями. Но эту «О женщинах», по-видимому, также незримо присутствует в этом пассаже. Он начинается риторическим обращением к «прелестным» и «суетным» (trivoles) существам, «любезным и опасным» одновременно; автор, отнюдь не мизогин, признает, что истина, сказанная им, будет дорого стоить его сердцу. Признает он и цивилизующую роль женского начала в нравственном развитии общества. Вместе с тем как моралист Вейсс решительно отказывает женщинам в интеллектуальном и нравственном равенстве с мужчинами; преимущество пос-

¹ Там же. С.297.

² См. в комментариях к ответному письму Плетнева (Перписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 81, 83–86).

ледних, настаивает он, опирается на преимущество в физической организации.¹ «Человек рассудительный, – пишет он, – должен, по моему мнению, считать их любезными детьми, с которыми надобно шутить, смеяться, говорить, играть и отдыхать после важных занятий. Даже у ног милой ему женщины (в подлиннике: «своей любовницы», *son amante*) должен он сохранять свое достоинство и в совершенной покорности показывать свое превосходство».² Легко заметить, что Пушкин полемизирует если не с этим пассажем, то с этой точкой зрения, получившей у Вейсса наиболее законченное и откровенное выражение. В «Рославле» (1831) он словно намеренно создает по этой модели художественную ситуацию, чтобы тут же показать ее несостоятельность: жених героини пишет «с полей сражений» письма, «наполненные шутками умными и плохими», «пошлыми уверениями в любви и проч.». Эта «пустота» происходила не от «ничтожества» писавшего, а «от предрассудка, впрочем, самого оскорбительного» для его адресатов – сестры и невесты: «он полагал, что с женщинами должно употреблять язык, приноровленный к слабости их понятий», и что «важные предметы» до них «не касаются». Это убеждение ставит его в смешное положение в глазах сестры и невесты. «Таковое мнение, – провозглашает Пушкин устами повествовательницы, – везде было бы невежливо, но у нас оно и глупо. Нет сомнения, что русские женщины лучше образованы, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые Бог знает чем» (VIII, 156).

Любопытно, однако, что опорой для этих рассуждений Пушкин мог найти в том же сочинении Вейсса, с которым он объективно полемизировал. Дело в том, что Вейсс, утверждая интеллектуальный приоритет мужчины, вовсе не предлагал ему в качестве модели поведения снисходить к «слабости понятия» женщин. Напротив, сравнение женщин с детьми постулировалось как некая теоретическая установка, но Вейсс оговаривался, что особенность женской психологии – знание людей и умение находить истинные достоинства. Он предлагал поэтому мужчинам оставить в женском обществе «ужимки», «притворный язык» (*jargon maniere*), «ложные уверения», «принужденность, которая почитается вежливостью», заменив их простотой обращения, мужеством, твердостью, знаниями. Ошибка мужчин в том, что они принимают женщин «более за кукол, нежели за существ разумных», – и чем более мы «усиливаем наше детское к ним внимание (*attentions*

¹ *Weiss. Principes philosophiques...* Т. I, P. 231 (эта часть статьи в переводе «Благонамеренного» выпущена).

² Благонамеренный. 1823. № 2. С.76; ср.: *Weiss, Principes philosophiques...* Т. I, P. 225–226.

pueriles), тем более должны они оскорбляться нашею дерзостью». ¹ Именно так и ведет себя Полина в «Рославлеве».

Психофизиологическая модель женского характера, создаваемая Пушкиным и столь существенная для его художественного творчества, тем не менее оказывается противопоставленной той, которую он находил в сочинениях одного из популярнейших моралистов сентиментального периода. В тех же «Отрывках из писем...» Пушкин словно намеренно подчеркивает это концептуальное отличие, настаивая на том, что природа одарила женщин «тонким умом и чувствительностию самую раздражительною» (XI, 52). О «пламенной чувствительности» (*chaleur de sentiment*) как свойстве женского характера упоминает и Вейсс, но доминантой личности для него оказывается интеллектуальное начало. Именно оно с точки зрения Вейсса дало преимущества мужчинам в области серьезной литературы, философии и политики.

Этой проблемы коснулся и Пушкин, – и вряд ли будет преувеличением предположение, что самые фрагменты о женщинах в «Отрывках из писем...» в значительной мере писались ради нее. «Жалуются на равнодушие женщин к нашей поэзии, – писал он, – полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностию самую раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки» (XI, 52).

Этот отрывок уже не имеет никакого отношения к сочинению Вейсса, но сравнение двух рассуждений поучительно: оно показывает разницу в самых принципах характерологии. Наблюдения в духе «моральной философии» XVIII столетия здесь прямо поставлены на службу эстетике и литературной социологии. Если ученое сочинение может быть с равным успехом адресовано представителям обоих полов (ибо русские женщины «лучше образованы, более читают, более мыслят, нежели мужчины»), то ориентация на «читательниц» в области поэзии неизбежно натолкнется на психологическую невозможность адекватного ее восприятия. И Пушкин в тех же «Отрывках...» приводит в качестве примера нелепое и докторальное «светское суждение» некоей «дамы», «впрочем, очень милой», касающееся стиля «Истории государства Российского» (XI, 57); по мнению Вяземского, речь шла о

¹ Благонамеренный. 1823. № 2. С. 87; *Weiss. Principes philosophiques...* Т. I, P. 239.

княгине Е. И. Голицыной. Это было естественным завершением споров Пушкина с наследием сентиментальной эстетики и рецидивами ее в статьях Бестужева, Плетнева и прямых эпигонов, прокламирующих ориентацию на «прекрасный пол» как эстетическую установку.

Но полемика, как это часто бывало у Пушкина, означала переоценку и деформацию, а не отрицание традиции, – и в этом смысле показательно, что оружие против эпигонов он находит в арсенале их учителей; что, отвергая пережитки сентиментализма, он критически усваивает идеи, принадлежащие эпохе его расцвета.

А. А. НИНОВ

Постановка пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы» на любительской сцене

ПУБЛИКАЦИЯ Л. А. НИКОЛАЕВОЙ

Две опубликованные одна за другой пьесы Толстого «Власть тьмы» и «Плоды просвещения» стали важнейшими событиями русской драматургии после Островского. Официальный запрет исполнения этих пьес усугубил чувство глубокой неудовлетворенности современной сценой, преобладавшее в театральном мире. Многие артисты негодовали от одной только мысли, что им приходится играть сплошь и рядом ничтожные поделки, затрачивая на это свой труд и талант, в то время как замечательные новые пьесы Толстого остаются недоступными для театра и публики. Постановки «Власти тьмы» в Париже и в Берлине, осуществленные в конце 1880-х гг., лишней раз подчеркнули, насколько стесненными и противоестественными оставались условия существования великого национального искусства в самодержавной России.

«Театральное дело с каждым днем страшно падает, – сокрушенно писал в 1888 г. В. Н. Давыдов, – и во главе его стоят эксплуататоры, выскочки, насильники и кулаки. Артисты сами мельчают во всех отношениях. Нахальство и пройдошество берет верх надо всем. И удивительная вещь, опять-таки в России, не знаю, как за границей, как все сидят не на своих местах: полководцы театром правят, артисты блины пекут, литераторы “играют на скрипке” и так далее, и в хао-

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ИСКУССТВ

ТЕАТР
И
ЛИТЕРАТУРА

Сборник статей к 95-летию
А. А. ГОЗЕНПУДА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2003